

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу, растянувшись, на своей кровати. Даже в таком ошеломленном состоянии я, должно быть, успел запереть дверь, прежде чем упасть.

— Впечатляюще..

Я лежал неподвижно, моргая, пока сознание постепенно возвращалось ко мне. Все мое лицо пульсировало от тупой, немеющей боли. Я поднял руку, которая казалась наименее околоченевшей. Плечо дернулось, как будто в суставах поселилась ржавчина, и острая боль пронзила пространство между костями.

— Оу....

С трудом дотрагиваясь до своего истерзанного тела, я задел пальцами болезненные места, которые неестественно затвердели. Полежав немного ничком, я оперся рукой о кровать и выпрямился.

Сев на край кровати, я тупо уставился в стену, а затем внезапно разрыдался. Хныкающий звук вырвался из моего горла, превратившись в хриплые болезненные стоны. Мой голос звучал хрипло, как будто по моим голосовым связкам прошлись наждачной бумагой.

Не в силах сдержать свой гнев, я вскочил и начал швырять все, до чего мог дотянуться. Я плакал и бушевал, как мне показалось, целую вечность, прежде чем снова рухнуть на пол. Крепко сжав губы, я закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами слезы упорно подступали к глазам, стекая по щекам, а рыдания застревали в горле.

— Черт возьми!

Я действительно хотел умереть.

Но на самом деле я хотел умереть из-за прошлой ночи.

Окно определенно было закрыто. Кто-нибудь слышал? Мог ли кто-нибудь слышать? Черт возьми. Черт возьми! Чертов Хан Джун У. Этот идиот Хан Тэсан. Зачем они пришли ко мне домой? Зачем им понадобилось так разрушать мою жизнь?

— Твою мать...

Хан Джун У растоптал перед Хан Тэсаном не только меня, но и мою гордость. И это унижение было хуже, чем когда-либо, когда Джун У избегал меня или относился ко мне с презрением. Это было нечто настолько разрушительное, что заставило меня закричать от гнева.

Но даже в такие моменты, как этот, когда я был готова расплакаться, я все равно беспокоился

о том, как я выгляжу в глазах окружающих.

Внезапно вокруг воцарилась тишина, и я перестал рыдать. Я взглянул на часы. Было чуть больше восьми. Острая мысль пронзила мой затуманенный мозг: если я столкнусь со служанкой в таком виде, это будет катастрофой. Пробежал холодок.

В голове прояснилось. Я ни в коем случае не мог допустить, чтобы кто-нибудь увидел меня в таком жалком, постыдном состоянии. С трудом поднявшись на ноги, я поставил стул вертикально и запихнул все предметы, которые я бросил, под кровать. Затем я сел и стал ждать неизбежного стука в дверь. Когда через несколько минут, как по команде, раздался звонок, я заговорил как можно более нормальным тоном.

— Не входи. Кажется, я простудился. Я неважно себя чувствую. Я пропущу сегодня школу..

— О, правда? Разве тебе не следует поехать в больницу?

Я проглотил горечь, подступившую к горлу.

— Я поеду позже, если не почувствую себя лучше..

— Ну, хорошо. Может, мне приготовить тебе овсянки?

— Просто оставь это за дверью, пожалуйста. Спасибо.

— Хорошо, Джун. Подожди немного.

Я решил прогулять школу. Я был не в состоянии идти, да и желания у меня не было.

К счастью, в моей комнате нашлась какая-то мазь. Я взял ее и намазал свое ноющее тело, отчаянно желая, чтобы боль утихла. Затем я забрался обратно в постель.

Тюбик с мазью выскользнул у меня из рук, и я уронил его на пол.

Все мое тело неудержимо дрожало. Но больнее боли, чем физическая, было унижение. Ощущение было такое, словно кто-то сжимал мой живот крошечными, жестокими пальчиками. Это было абсурдно. Чтобы скрыть свое заплаканное лицо, я заслонился от света, льющегося из окна, и поглубже зарылся в одеяло. Единственное, что, как мне казалось, могло защитить меня от сокрушительного отчаяния, было само одеяло.

Мне нужно поспать. Мне нужно поспать. Заставив себя закрыть глаза, я сказал себе, что все будет хорошо. Мои родители не знали. Хан Джун У был не из тех, кто хвастается тем, что

произошло прошлой ночью. Все будет хорошо.

Думая об этом, я глубже зарылся в одеяло.

На самом деле, было совсем не хорошо.

Спрятавшись под одеялом, я продолжал бормотать слова, которые с горечью вертелись на кончике моего языка. Кому угодно — Богу, моим родителям, кому угодно — мне хотелось прокричать это вслух.

Пожалуйста. Это был Хан Джун У. Хан Джун У ударил меня. Он растоптал меня. Этот ублюдок. Хан Джун У безумен. Он сумасшедший. Он не в своем уме. Только из-за Хан Тэсана он... После всего, через что мы прошли в прошлом году, после всего, что я чувствовал к нему... Он подавил это. Он подавил это прямо на глазах у Хан Тэсана. Я идиот. Я показал эту жалкую сторону себя и ХаньТэсану. И мысль о том, что кто-то мог все это видеть...

Я остановил свой безумный ход мыслей. Волна отвращения к себе захлестнула меня. Я хотел умереть.

Самым печальным было то, что я сделал после того, как поплакал под одеялом. Первое, что я сделал, это попытался удалить все сообщения и звонки, которые Хан Тэсан прислал мне прошлой ночью. Затем, в спешке, я стер записи с камер видеонаблюдения у ворот, удалив все записи, сделанные ранним утром. Та ночь стала для меня чем—то, о чем я не мог никому рассказать, - постыдной тайной, которую я не мог никому позволить увидеть.

Я пропускал школу три дня. Несмотря на мой отвратительный внешний вид, мое тело постепенно выздоравливало.

Может быть, это было потому, что мне удавалось прикрывать наиболее заметные участки, когда меня били, а может быть, просто мое хорошо накачанное тело было не таким слабым, как я думал. В любом случае, видимые повреждения были минимальными — всего несколько темных синяков, скрытых под одеждой, и ничего опасного для жизни. В течение этих трех дней я прятался под одеялом, плача снова и снова. Я игнорировал все сообщения и звонки.

Я думал, что смогу продержаться до полного выздоровления, но удача была не на моей стороне. Мои родители, которых долгое время не было дома, внезапно вернулись домой. У меня не было другого выбора, кроме как запаниковать.

— ...Сынок, что случилось с твоим лицом?

— О, ну...

— Ты подрался? Я думал, ты сказал, что заболел. Ты сказал, что простудился.

Пока отец засыпал меня вопросами, я пытался придумать объяснение.

— О, эм, я плохо себя чувствовал, поэтому друг выключил уведомление у меня...

— И?

— И мы поссорились.. я с ним подрался, когда шел за ним.

— Что?!

— Ничего серьезного не было. Я просто... споткнулся и ударился лицом о землю..

— После какой драки у ребенка такое выражение лица? Кто это был?!

Когда отец резко повысил голос, я отчаянно замахал руками, чтобы успокоить его.

— Нет, правда, я не хочу создавать проблем. Это была несерьезная ссора. Мы уже помирились.

— Ну же, скажи мне, почему вы поссорились?

— ...Ну...

Немного подумав, я придумала совершенно жалкое оправдание.

— Я дразнил его за то, что его бросила девушка.

— Что?

Удивительно, но мой нелепый ответ, казалось, разрядил обстановку. Мой отец недоверчиво вздохнул, а затем неожиданно рассмеялся.

— Дети, вы что, разыгрываете какую-то мелодраму?

— Нет...

— Больше так не делай.

— ...Хорошо.

Помогло и то, что мои травмы выглядели не так страшно, как могли. К счастью, инцидент был исчерпан.

Однако произошло нечто странное. Когда мы вместе ужинали в гостиной, моя мама внезапно заговорила о Хан Джун У.

— Кстати, вы с Джун У все еще близки?

— А что?

— Я просто о том, что он, кажется, больше не часто приходит к нам домой.

Для человека, который проводил дома меньше половины времени, что ее вообще интересовало? Одно упоминание о Хан Джун У вызвало у меня в памяти его образ, мгновенно испортив мне настроение. Я раздраженно огрызнулся в ответ.

— Все как всегда.

То же самое, черт возьми. Черт возьми. Черт возьми. Черт возьми. Мне было так стыдно и униженно, что хотелось умереть прямо здесь и сейчас.

— Не заходил ли к нам недавно еще один друг? Домработница упомянула об этом. Вы близки с этим другом?

Мое тело напряглось. Я медленно повернул голову в сторону кухни, где домработница деловито вытирала обеденный стол. Меня пробрал озноб. Услышала ли она это? Могла ли она что-нибудь слышать той ночью? Возможно ли, что именно она слышала эти звуки?

— Джун? Что случилось?

Удивленный вопросом моей матери, я выпалила ответ, не подумав.

— Да, мы достаточно близки.

Что сказала моя мать после этого? Я не могу вспомнить. Ужас, который приковал меня к месту, вытеснил все остальное из моей памяти. Что я помню, так это то, как она посмотрела на меня, когда упомянула Хан Джун У. Такой взгляд у нее был, когда она сообщала плохие новости.

Почему?

Эта мысль еще больше загнала меня в пучину страха. У меня похолодели пальцы. Нет. Она не могла ничего слышать. У домработницы был плохой слух, и она жила в отдельной части дома, далеко от моей комнаты. Она не могла ничего слышать. Но почему? Почему мне казалось, что что-то не так? Все, что я мог делать, это молиться богу, в которого я даже не верил.

Прошло еще три дня, и мои родители начали уговаривать меня вернуться в школу. Я совершенно не хотел этого делать. Но если бы я продолжал прогуливать, моя мама наверняка подумала бы, что это проблема посерьезнее, чем просто небольшая стычка с другом. Это было последнее, чего я хотел. Поэтому я заставил себя напустить на себя жизнерадостный вид. Со мной все было в порядке.

Дни, предшествовавшие моему возвращению, были наполнены бесконечным беспокойством о том, что я буду делать, если столкнусь с Хан Джун У или Хан Тэсаном. Избьет ли меня Джун У снова до полусмерти? Унизит ли он меня перед классом или, что еще хуже, перед Тэсаном? Будет ли он продолжать топтать меня, как будто я ничто?

От одной этой мысли меня затошнило.

Когда я, наконец, пришел в школу, я повесил свою сумку на край парты и бросил на нее какие-то бумаги. Затем я сел, тупо уставившись на парту, в то время как шум в коридоре постепенно становился громче. Как только я услышал приближающиеся шаги, я обхватил голову руками.

Если бы я притворился спящим, никто бы не заметил моего перекошенного лица. По крайней мере, какое-то время. Но я не учел одну вещь: место позади меня принадлежало Го Ёхану. Ёхан был из тех парней, которые умеют читать аудиторию, но все равно предпочитают делать вид, что ничего не замечают.

Как только он вошел, он встал у моего стола, просунул руку мне между плечом и шеей и приподнял пальцами мое лицо. У меня даже не было времени сопротивляться. У меня не было выбора, кроме как позволить ему увидеть мое лицо. Ёхан приподнял бровь, разглядывая меня, и прямо спросил:

— Что, черт возьми, случилось с твоим лицом?

— ...Ничего такого.

— Ты снова споткнулся?

— Да. Вроде того.

— Действительно?

Он прищелкнул языком и покачал головой, прежде чем резко отпустить мое лицо, отчего я чуть не ударился головой о стол.

— Черт возьми.

Я удивленно уставился на него, но Ёхан только криво усмехнулся, как будто был погружен в свои мысли. О чем бы он ни думал, я никак не мог этого узнать.

Ни Хан Джун У, ни Хан Тэсан в тот день не пришли в школу.

Но пока меня не было, по школе поползли слухи.

— Эй, ты слышал? Хан Джун У... Этот ублюдок на самом деле...

Никто не спрашивал меня о моих травмах, но по любопытным взглядам, которые я получал, было ясно, что слух уже распространился по залам.

Похоже, мне повезло больше, чем я думал.

Слухи крутились вокруг меня и Хан Джун У. Никто из нас не ходил в школу с того дня, как появились слухи, и даже Хан Тэсан вскоре исчез, не оставив никого, кто мог бы развеять это. Мое разбитое лицо стало очевидным доказательством, и слухи распространились еще быстрее.

История была такая: Кан Джун и Хан Джун У поссорились. И Хан Джун У гей.

— Этот придурок, говорю тебе, точно запал на этот рисовый шарик.

— Что такое рисовый шарик? О, подождите. Дерьмо. Подожди секунду. Черт, я не могу перестать смеяться.

— Он действительно похож на размятый рисовый шарик, не так ли?

— Серьезно, как один из тех идеально компактных.

Классная комната была заполнена разговорами такого рода.

— Все те парни, которые были близки к Хан Джун У, получили удар в спину.

В конце концов, разговоры часто переходили на меня. Я чувствовал на себе их взгляды, но делал вид, что не замечаю.

Прошел слух, что Кан Джун наконец-то разозлился из-за гейских выходок Хан Джун У. Они подрались, но, поскольку Хан Джун У сильнее, он избил Кан Джуна до полусмерти. В конце концов, пути этих двоих разошлись. Хотя я и не обращал внимания на слухи, они сами дошли до меня, как будто ждали.

— Невероятно...

Во время перерыва после второго периода Ким Минхо, один из друзей Го Ёхана, подошел ко мне, когда я жевал горячий бургер.

— Привет, Кан Джун. Позволь мне кое-что у тебя спросить. Ты слышал об этом?

Мы не были близки. Мы разговаривали несколько раз, но между нами всегда чувствовалась неловкость. Большинство “вещей”, о которых меня спрашивали такие люди, как Минхо, были откровенной чепухой. Так что я просто почесал мочку уха, не зная, что ответить.

— Какой-то парень из пятого класса сказал, что эти двое целовались. Это правда?

— Э-э... где?

— Не знаю. Но они же не стали бы заниматься этим прямо посреди улицы, верно? Наверное, отправились в какое-нибудь сомнительное место, чтобы подрочить друг другу или что-то в этом роде.

Да, конечно. Я пропускал его слова мимо ушей, несмотря на то, что он говорил.

— Отвратительно. Это действительно отвратительно..

— Правда? Черт, эти парни... в школе, а не где-либо еще. Кому-то нужно вылить кислоту им на головы. Фу!

Как и у всех других слухов, источник был неясен. Но, по мнению старшеклассников, детали не имели значения, когда история была пикантной.

Присутствующие парни ругались и глумились.

— Не может быть, чтобы это было правдой, чувак! Черт!

Но они все равно нетерпеливо спрашивали:

— А правда, где это произошло?

Идиоты. Они правда в это верят? И все же, пока Ким Минхо говорил, я не мог удержаться от того, чтобы не представить, как они целуются. Боже, я действительно жалок.

— Теперь, когда я думаю об этом, Хан Джун У в последнее время нечасто встречается с кем-нибудь.

— Может, он так переусердствовал, что его член обмяк?

Неожиданно вмешался Го Ёхан, сидевший на своем столе. Он покрутил пустую палочку от мороженого между пальцами, и его губы изогнулись в ухмылке.

— Это было бы неудивительно. Парень не знает, когда остановиться.

Даже сейчас Ёхан, казалось, думал, что все это просто шутка. Я взглянул на него краем глаза и вздохнул. Пошлость, царившая в классе, вызвала неоднозначную реакцию у всех присутствующих.

Некоторые из мальчиков, сидевших рядом с Ёханом, стучали по партам или топали ногами, истерически смеясь. Среди них было несколько человек, которые раньше общались с Хан Джун У. Ёхан, тем временем, демонстративным движением пальцев бросил палочку от мороженого на пол, и его улыбка стала еще шире.

— Или, может быть, он засунул его в какую-нибудь грязную дыру, и он сгнил.

В комнате воцарилась тишина. В голосе Ёхана послышались резкие нотки.

— ...

Даже я повернулся и посмотрел на него с неловким удивлением. Среди болтовни тридцати учеников в классе начала сгущаться странная атмосфера. Разговоры тех, кто не имел отношения к ситуации, стали громче, как будто для того, чтобы скрыть напряжение.

Я не мог понять, шутит Ёхан или говорит серьезно. Я был уверен, что все остальные подумали о том же. Но Ёхану, похоже, было все равно. Он почесал подбородок большим пальцем и заговорил снова, на этот раз скривив губы.

— Гребанный гей. Тьфу.

Ёхан спрыгнул со своего стола. Не то чтобы это имело значение — из-за его длинных ног до пола было недалеко. Он напевал какую-то неузнаваемую мелодию, неторопливо прогуливаясь по классу. Мы все просто наблюдали за ним.

Внезапно он остановился и указал на стол.

— Это..... Стол Хан Джун У?

Как будто он сам этого не знал.

Он наклонил голову, изображая любопытство, и мы все почувствовали невысказанное давление. Несколько человек кивнули.

— Хорошо. Идеально.

В его голосе звучало удовлетворение.

— Знаете, я умирал от желания поставить этого самоуверенного ублюдка на место.

Ёхан поднял ногу, и по комнате разнесся глухой удар. Тяжелый звук чего-то падающего завибрировал под ногами. Судя по положению и звуку, это определенно был стол. И принадлежал он Хан Джун У.

Ёхан намеренно задал этот вопрос. Он хотел, чтобы все точно знали, чей стол он пинает.

— Ёхан, ты такой придурок!

— Ничего себе, вы только посмотрите на характер этого засранца...

Тишина нарушилась, как будто ее никогда и не было. В классе снова раздался смех. Я мельком увидел несколько учебников, разбросанных по полу, которые все еще выглядели почти новыми. На одном из них жирным шрифтом было написано имя:

Хан Джун У.

Остальные, кто наблюдал за Ёханом, на мгновение заколебались, прежде чем заговорить.

— Чувак, черт возьми, разве это не здорово?

— Фу, Минхо, твой тон такой же раздражающий. Как... Хан Джун У?

— Отвали!

Минхо и другой парень, Ли Сокхен, игриво препирались, явно пытаясь произвести впечатление на Ёхана. Прямо сейчас все в классе смеялись над Ёханом.

Да, я всю свою жизнь был хорошим сыном в глазах родителей, надежным учеником в глазах учителей и порядочным парнем в глазах одноклассников. Быть верным другом Хан Джун У было еще одной вещью, которую я заставлял себя терпеть.

Такие люди, как я, которые так тщательно строят свою жизнь, больше всего боятся одного: не того, что им придется жить так вечно, а того, что из-за одной-единственной ошибки все может рухнуть.

И как я отреагировал? Я широко улыбнулся Ёхану.

<http://bllate.org/book/12586/1118471>